
«Не-сталинский» Советский Союз: формирование и трансформация нового международного имиджа страны в годы оттепели (1953–1968)

Елена Зубкова

«Non-Stalin's» Soviet Union: formation and transformation of the new international image of the country in the years of Thaw (1953–1968)

Elena Zubkova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23060020, EDN: NRDZQM

Время оттепели – период знаковых перемен в политической, экономической и культурной жизни Советского Союза и его граждан. Они были связаны не только с принятием и реализацией конкретных решений, но и с формированием нового имиджа страны. Известно, что правильно подобранный имидж является основой для политических шагов и, напротив, имиджевые просчёты, как правило, не остаются без политических и репутационных последствий. Р.М. Горбачёва однажды призналась: «Никто не объяснил нам, что такое имидж. И, конечно же, мы наделали кучу ошибок»¹. Н.С. Хрущёв тоже не знал, что такое имидж, как не знал он и самого этого слова. Но именно он стал первым советским публичным политиком, который успешно использовал PR-технологии, часто не подозревая, подобно персонажу Ж.-Б. Мольера, что «говорит прозой».

Имидж страны – явление многофункциональное, поскольку формируется с учётом разных целевых аудиторий внутри и за пределами государства. Можно говорить об имидже национальном, для «внутреннего употребления», и международном – о «картинке», которая транслируется «на экспорт». Долгое время исследования имиджей России/СССР в мире концентрировались на до-революционном периоде и первой половине XX в.² Для истории оттепели эта проблематика носила «сопутствующий» характер, хотя биографы Хрущёва – от Э. Крэнкшоу до У. Таубмана – так или иначе затрагивали сюжеты, связанные с образом своего персонажа³. Первое исследование, специально посвящённое изучению процесса формирования, трансформации и рецепции международного имиджа Советского Союза и в особенности Хрущёва в годы оттепели, а также советских имиджевых технологий этого периода в целом, предпринял

© 2023 г. Е.Ю. Зубкова

¹ Цит. по: *Почепцов Г.Г.* Имиджология. М., 2009. С. 12.

² См., например: *Буранок С.О.* Опасный союзник: образ Советского Союза в прессе США (май 1945 г.) // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 191–197; *Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М., 2016; *Дэвид-Фокс М.Ш.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015; *Журавлёва В.И.* Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М., 2012; и др.

³ *Crankshaw E.* Khrushchev: a career. N.Y., 1966; *Таубман У.* Хрущёв. М., 2005 (оригинальное издание: *Taubman W.* Khrushchev: the man and his era. Norton, 2003).

С.А. Зубков⁴. Сейчас это одно из востребованных направлений изучения советской/российской истории⁵. В данной статье речь пойдёт об одном из важных аспектов этого сложного процесса – формировании образа «не-сталинского» СССР как части его международного имиджа.

Запрос на новый имидж стал ответом на вызов внешнеполитический, прежде всего со стороны Запада (хотя и отношения с восточноевропейскими странами или Китаем в начале 1950-х гг. тоже не внушали оптимизма). Сталинские наследники – «коллективное руководство» – встали перед выбором: продолжать политику конфронтации или искать пути к диалогу. Обе стороны к тому времени уже вполне осознавали бесперспективность конфронтационного пути, но налаживанию диалога мешали разные факторы – от прошлого негативного опыта до стереотипов восприятия друг друга⁶. В конце концов, мешал И.В. Сталин. В марте 1953 г. этого препятствия не стало. Смерть вождя сама по себе может рассматриваться как символическая точка отсчёта в формировании нового образа страны, её международного имиджа.

Холодная война – это и «война имиджей». Образ «врага», характерный как для восприятия западного мира в СССР, так и Советского Союза в странах Запада, стал серьёзным препятствием на пути партнёрских отношений между ними – коммуникационного пространства нового качества. Поэтому образ «другого СССР» складывался, безусловно, с учётом настроений западной аудитории, её запросов и опасений. Когда советские журналисты в 1955 г. впервые после войны приехали в США, они с удивлением отмечали, как простые американцы при встречах не раз им говорили: «Мы вас боимся». «У многих из них не ликвидированы навязанные холодной войной опасения якобы коварных намерений СССР», – так комментировались эти настроения в отчёте о поезд-

⁴ Зубков С.А. Формирование международного имиджа Н.С. Хрущёва: 1955–1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Зубков С.А. «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущёва в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2007. № 1. С. 100–107; Зубков С.А. Хрущёв и Запад: проблемы формирования международного имиджа советского лидера // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 127–152; Зубков С.А. Хрущёв и западные журналисты. Практики формирования международного имиджа советского лидера // Проблемы истории России. Вып. 8. Магнитогорск, 2008. С. 314–323; Зубков С.А. Советская пропаганда на зарубежные страны и формирование нового образа страны и её лидеров в мире. 1953–1964 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 5. М., 2009. С. 254–275.

⁵ Котеленец Е.А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2013. № 3. С. 76–90; Мукулич Д.И. Отражение образа Н.С. Хрущёва как руководителя советского государства в западной прессе в период 1953–1964 гг. // Научные исследования: история, образование и культура, сфера дизайна и туризма. М., 2017. С. 209–214; Крючков Д. Особенности формирования имиджа лидеров СССР на обложках журнала «Time» с 1923 по 1991 гг. // 60 лет Российскому университету дружбы народов: история страны в истории университета. М., 2020. С. 176–191; Петрова Т.М. Формирование имиджа Н.С. Хрущёва в советской прессе 1953–1964 гг.: институциональный анализ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 20. 2020. № 1. С. 48–54; Стрельцов Д.В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32–46; Чистиков А.Н. Образ советской страны и её лидера в поздравительных письмах и телеграммах к юбилеям Н.С. Хрущёва // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 23. 2022. № 3–1. С. 225–235; и др.

⁶ О внешнеполитических и инокультурных стереотипах, их влиянии на образ страны см. подробнее: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...». Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008. С. 5–17.

ке⁷. Советский Союз, страх перед его «коварными намерениями» в восприятии граждан западного мира были неотделимы от Сталина — персонифицированного носителя угрозы. Исходя из этого «другой» СССР предстояло позиционировать, прежде всего, как «не-сталинский».

С этой исходной позиции выстраивался новый имидж страны. Он должен был стать результатом реализации целевого замысла советских пропагандистских структур (PR-проекта, выражаясь современным языком⁸), но одновременно формировался и корректировался вне зависимости от этих усилий, стихийно — под влиянием реальной ситуации: значимых событий в стране и мире, особенностей восприятия аудиторией. В конструировании имиджа были задействованы разные институты, инструменты, каналы — от официальных до личных. Процесс формирования и трансформации международного имиджа СССР в годы оттепели (1953—1968)⁹ условно можно разделить на несколько этапов. Начальный — 1953—1955 гг.: от смерти Сталина до первых визитов советских руководителей на Запад, характеризующийся интенсификацией дипломатических контактов; «пиковый» — 1956—1960 гг.: от XX съезда КПСС до визита Хрущёва во Францию; конфронтационный — 1960—1962 гг.: от инцидента с американским самолётом-разведчиком 1 мая 1960 г. до Карибского кризиса; реверсивный — 1963—1968 гг.: от Московского договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой до «Пражской весны».

Первый этап начался с сигналов советского руководства о готовности к диалогу. Уже в марте—апреле 1953 г. состоялся «обмен жестами» между новым лидером страны Г.М. Маленковым и президентом США Д. Эйзенхауэром. Причём Маленков выступил первым. В траурной речи в день похорон Сталина 9 марта он говорил о недопущении новой войны, о политике мира, основанной на взаимном доверии¹⁰. Эйзенхауэр ответил 16 апреля в выступлении на заседании Американского общества газетных редакторов. Он начал речь с символического сравнения: весна 1953 г., подобно весне 1945-го, может дать «шанс для установления справедливого мира», но не повторить при этом грустный опыт нереализованных надежд конца войны. Президент не удержался от критики советской системы и Сталина, обвинив их в обострении международной ситуации и гонке вооружений, но в то же время со сдержанным оптимизмом отметил: «Связи (Советского Союза. — Е.З.) с прошлым, какими бы сильными они ни были, не могут полностью связывать его. Его будущее в значительной мере зависит от него самого»¹¹. 24 апреля вопрос о речи Эйзенхауэра и реакции

⁷ Цит. по: Зубков С.А. Советская пропаганда на зарубежные страны... С. 256.

⁸ О формировании нового имиджа СССР и его лидера Хрущёва как PR-проекта см.: Zubkova E., Zubkov S. Das große PR-Projekt «Nikita Chruščev für den Westen»: Konstruktionsmechanismen und Repräsentationsstrategien eines neuen Sowjetunionbildes // Pietrow-Ennker B. (Hrsg.). Russlands imperiale Macht. Integrationsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive. Köln, 2012. S. 209—225.

⁹ С моей точки зрения, и после отставки Хрущёва в октябре 1964 г. общественно-политические процессы, получившие название «оттепель», несмотря на попытки ресталинизации, сохраняли положительную динамику — вплоть до событий в Чехословакии 1968 г. Экономическая реформа и важная часть социальных программ 1960-х гг. начались после 1964 г. Это даёт основание для расширения традиционных хронологических границ оттепели. Подобная хронология отражает и изменения международного имиджа страны, на который события 1964 г. не оказали существенного влияния.

¹⁰ Правда. 1953. 10 марта.

¹¹ Известия. 1953. 25 апреля.

на неё обсуждался на заседании Президиума ЦК КПСС, который принял решение опубликовать в центральной печати ответную статью «К выступлению президента Эйзенхауэра»¹². На следующий день она появилась на первых страницах газет «Правда» и «Известия», а последняя поместила в том же номере и саму речь американского лидера.

Это обоюдное зондирование, несмотря на критические выпады с обеих сторон, тем не менее отражало скорее готовность к диалогу, нежели стремление к дальнейшей конфронтации. В августе 1953 г. Маленков говорил уже о необходимости разрядки международной напряжённости (и тогда впервые официально употребил это понятие)¹³, а в марте 1954 г. произнёс крамольную с точки зрения идеологического канона фразу, объявив, что Третья мировая война означала бы «гибель мировой цивилизации»¹⁴. За подобное «капитулянтство перед капитализмом» в числе прочих «ошибок», инкриминированных ему соратниками, советский премьер лишился своего поста, а политику сближения с Западом продолжил его главный соперник и критик – Хрущёв.

Ещё один шаг в направлении формирования нового имиджа страны был сделан в конце 1953 г.: 24 декабря открылся ГУМ – из здания Верхних торговых рядов на Красной площади выселили многочисленные конторы и открыли самый большой в СССР универсальный магазин. Символично, что сообщение об этом событии появилось в газетах одновременно с другим – о суде над Л.П. Берией, расстрелянным, согласно официальной информации, накануне, 23 декабря. Третьей знаковой «новостью дня», хотя и не такой резонансной, как первые две, стала публикация в «Литературной газете» статьи Л.К. Чуковской «О чувстве жизненной правды». Явилось ли совпадение по времени этих событий намеренным или случайным – судить трудно, но они не прошли незамеченными ни внутри страны, ни в мире. Писатель А.Б. Раскин отозвался на них эпитафией: «Не день сегодня, а феерия, ликует публика московская – открылся ГУМ, накрылся Берия, и напечатана Чуковская»¹⁵. Западногерманский журнал «Der Spiegel» позднее назвал первые после смерти Сталина перемены в СССР «дорогой к ГУМу», имея в виду возвращение к «нормальной» жизни и повседневным потребностям людей¹⁶.

Суд над Берией, которого бывшие соратники сделали ответственным за репрессивную политику и практику прошлого, тоже символизировал своего рода поворот – «новый курс» во внутренней и внешней политике. В этих мерах ещё не прослеживалось очевидного антисталинского подтекста. Но демонстрация готовности нового руководства к политическим переменам и обеспечению достойной жизни гражданам страны, безусловно, работали на новый, не-сталинский имидж Советского Союза.

В его формировании приняли участие и новые руководители страны: в конце концов, именно лидеры являются «лицом» государства. И они сменили стиль – поведения, общения с зарубежными партнёрами, даже одежды – с военизированного, «сталинского», на штатский. Соотечественники встретили это благосклонно. В почте К.Е. Ворошилова сохранилось письмо жительни-

¹² Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В.П. Наумов, Ю.В. Сигачёв. М., 1999. С. 404.

¹³ Правда. 1953. 6 марта.

¹⁴ Там же. 1954. 13 марта.

¹⁵ Цит. по: *Чупринин С.И.* Оттепель: события. Март 1953 – август 1968 г. М., 2022. С. 62.

¹⁶ Die Straße zu «GUM» // Der Spiegel. 1957. 17 Juli. S. 28–33.

цы Риги, оценившей перемены в облике «коллективного руководства»: «Очень всем понравился последний снимок в “Правде” на Тушинском аэродроме, где товарищ Маленков в обыкновенном костюме (а не полувоенной формы сталинской гимнастерке!), где Вы так хороши в белом и где Никита Сергеевич совсем по-человечески одел “украинку”»¹⁷.

Правда, в стиле одежды советских руководителей случались и имиджевые просчёты. Например, накануне Женевского совещания (июль 1955 г.) в зарубежной прессе появились портреты нового главы правительства Булганина в военной форме, тогда как его западные партнёры, даже Эйзенхауэр, были в штатском. «Распространение портрета тов. Н.А. Булганина в военной форме плохо соответствует духу Женевского совещания», — комментировал ситуацию корреспондент «Огонька»¹⁸. Вместе с тем западные журналисты довольно быстро изменили предвзятое отношение к главе советской делегации, стоило ему, прибыв в Женеву, предстать перед ними в штатском костюме¹⁹.

За пределами страны смена имиджа не обошлась и без дипломатических погрешностей. Штатский, но повседневный стиль одежды оказывался уместен не везде, особенно на протокольных мероприятиях. И когда, например, члены советской делегации во время визита в Югославию в 1955 г. явились на вечерний приём в обычных костюмах вместо смокингов, хозяева высказали по этому поводу недоумение²⁰. В оправдание гостей можно сказать, что они рассматривали визит скорее как «товарищеский», тогда как И. Броз Тито всячески дистанцировался от навязываемой ему «братской дружбы». Впрочем, подобных просчётов научились избегать.

Западные партнёры уже на первых встречах с представителями нового кремлёвского руководства отмечали перемены в стиле общения. Так, во время конференции четырёх министров иностранных дел в Берлине (январь—февраль 1954 г.) удивлял В.М. Молотов, имевший до того стойкую репутацию жёсткого политика сталинского типа. Теперь он «старался продемонстрировать свой новый, как теперь говорят, имидж, отличный от образа твердокаменного сталинского наркома прошлых лет», — делился наблюдениями присутствовавший на переговорах помощник министра иностранных дел СССР О.А. Трояновский²¹.

Импонировал западной публике Булганин, который стал посещать Европу в ранге председателя правительства. Как отметил «Der Spiegel», это был первый советский лидер, от которого «пахло Кёльнской водой»²². Не менее благосклонные отклики вызвало первое появление на Западе Маленкова. В 1956 г. Хрущёв решил направить его в Великобританию — для зондирования почвы в преддверии своего визита: посмотреть, как примут в этой стране посланца СССР. Маленков к тому времени уже потерял пост премьера и занимал должность министра электростанций. Но приём, оказанный ему англичанами и особенно англичанками, превзошёл все ожидания. Фото Маленкова, буквально зацелованного английскими барышнями, обошли многие западные газеты. Причёска «под Маленкова» с характерной прядью, падающей на лоб, стала «хитом сезона». Журнал «Daily Sketch», имевший репутацию «строго консервативного»,

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 58, д. 141, л. 107.

¹⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 714, л. 97.

¹⁹ Ein Duft von Kölnisch Wasser // Der Spiegel. 1955. 20 Juli. S. 19.

²⁰ Alle, alle sollen kommen // Der Spiegel. 1955. 8 Juni. S. 27–28.

²¹ Трояновский О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 177–178.

²² Ein Duft von Kölnisch Wasser. S. 19.

поместил фото советского министра в ряду современных секс-символов, вместе со звездой кинематографа Валентино и молодым певцом Элвисом Пресли²³.

Что касается Хрущёва, то он не сразу приобрёл статус главного лица страны. Более того, сначала он очевидно проигрывал и «парфюмированному» Булганину, и «интеллигентному» Маленкову. До XX съезда партии западная пресса представляла его главным образом как «аграрника», далёкого от важных государственных проблем (сферы внешней политики в том числе). «Мужик и комиссар», — так охарактеризовал его американский журнал «Time» в 1953 г.²⁴

XX съезд стал звёздным часом Хрущёва. Он утвердился в статусе полноправного, хотя и не вполне официального по международным нормам, политического лидера Советского Союза, его полномочного представителя. Одновременно этот партийный форум, благодаря открытой критике Сталина, может считаться отправной точкой официального оформления образа не-сталинского СССР. Многие зарубежные СМИ тогда обошла карикатура, впервые опубликованная в газете «The Manchester guardian»: Булганин, Маленков, Хрущёв и Микоян сидят у костра перед мавзолеем и сжигают ворох бумаг, символизирующих «сталинские ошибки». К костру с кипой документов спешит Молотов — он готов бросить в огонь «сталинскую внешнюю политику»²⁵. «Коллективное руководство» пока ещё выступало как «коллективный критик» Сталина, однако уже сам факт оглашения антисталинского доклада вывел Хрущёва на позиции «первого среди равных». С этого момента новый имидж страны был уже не отделен от личного имиджа нового советского лидера.

В процессе его конструирования принимали участие различные пропагандистские службы, личная команда спичрайтеров, пресса, радио, телевидение и кинохроника. Но главным творцом своего «лица на экспорт» выступал прежде всего сам «коммунист № 1» — не в последнюю очередь благодаря природной интуиции и актёрским качествам. Он начал с того, что стал позиционировать себя как «не-Сталина». Сталин держал дистанцию с народом — Хрущёв начал «ходить в народ»; Сталин довольно редко выступал публично — Хрущёв делал это регулярно, даже с избытком; Сталин лишь в исключительных случаях покидал пределы страны — Хрущёв активно и с удовольствием путешествовал²⁶. Сравнение со Сталиным — постоянная тема публикаций в западной прессе, причём от этого сравнения Хрущёв, безусловно, выигрывал. Корреспондент «The observer» Крэнкшоу, образно характеризуя политический стиль обоих, называл одного «паровым катком», а другого — «танцором на канате»²⁷.

Первое, что записали в актив Хрущёва западные журналисты, это отказ от террора и разрушение атмосферы страха в стране²⁸. В активе Сталина был имидж вождя-победителя. Сам факт победы в мировой войне служил мощным мобилизационным ресурсом, работавшим на поддержание общественного консенсуса и авторитет главы государства. Хрущёв-фронтовик тоже часто апеллировал к опыту минувшей войны, но не в качестве «права на победу», а в контексте гарантии мира — во избежание будущих военных конфликтов. Произошла

²³ Со ссылкой на «Daily Sketch»: Die tiefen Blicke // Der Spiegel. 1956. 11 April. S. 27–28.

²⁴ The Muzhik & the Commissar // Time. 1953. 30 November.

²⁵ Со ссылкой на «The Manchester guardian»: Der Chruschtschewismus // Der Spiegel. 1956. 29 Februar. S. 34.

²⁶ Zubkova E., Zubkov S. Das große PR-Projekt... S. 212.

²⁷ Der Seiltänzer // Der Spiegel. 1959. 28 Januar. S. 36.

²⁸ The New York Times. 1959. 10 September; Der Spiegel. 1959. 16 September.

своеобразная рокировка образа первого лица страны: Сталина-победителя заменил Хрущёв-миротворец. Имиджу миротворца соответствовал и новый курс советской внешней политики, в проведении которого Хрущёв принимал самое деятельное участие. Попутно развернулось негласное соревнование за статус «главного миротворца», в котором серьёзную конкуренцию советскому лидеру составил Эйзенхауэр, мечтавший войти в историю как «президент мира»²⁹. Но на первом этапе (до мая 1960 г.) Хрущёв это негласное соревнование выигрывал — не в последнюю очередь потому, что инициатива в поиске диалога принадлежала, как правило, советской стороне. «Успех Хрущёва в краже мантии мира беспрецедентен», — заключил бывший помощник госсекретаря США У. Бентон, выступая во Внешнеполитической комиссии Конгресса³⁰.

После XX съезда и критики Сталина образ «другого СССР» дополнился ещё одной, не менее весомой компонентой — прорывом в космос. После успешного запуска в октябре 1957 г. спутник стал визитной карточкой страны — в прямом и переносном смысле. Его изображения заполнили мировые СМИ, он тиражировался на марках, открытках, значках. Но больше всего имиджевых дивидендов принёс Советскому Союзу полёт Ю.А. Гагарина. 12 апреля 1961 г. космос обрёл «человеческое лицо». Космонавт № 1 вполне мог конкурировать с Хрущёвым за право считаться если не главным, то самым популярным «лицом СССР» на мировой арене: снимок улыбающегося космонавта с белым голубем в руках обошёл страницы изданий по всему миру. Другая фотография не публиковалась, но тоже по-своему символична: королева Великобритании Елизавета II, до этого никогда не появлявшаяся на совместных фото с советскими посланцами, сделала для Гагарина исключение. Следующим «полномочным представителем СССР», удостоившимся такой чести, стал только М.С. Горбачёв.

Гагарин воспринимался не столько как наглядное доказательство пропагандистского тезиса о «преимуществах социализма перед капитализмом», сколько как посланец мира. Более того — для образа СССР и его восприятия за рубежом он сделал то, чего не смог сделать Хрущёв: человечество, возможно, впервые почувствовало себя единым целым — землянами. «Его имя, по сути, следовало бы писать с маленькой буквы, так как оно превратилось в понятие... Просто что-то очень хорошее, носящее всеобщий характер», — комментировали феномен космонавта писатели П.Л. Вайль и А.А. Генис³¹.

Встреча Гагарина в Москве 14 апреля 1961 г. транслировалась на весь мир — это был первый опыт подключения советского телевидения к системе «Интервидения». Генеральный директор ВВС Х.К. Грин оперативно телеграфировал в Москву из Лондона: «Горячие поздравления и благодарность за сегодняшнюю передачу Великого исторического события... Ожидаем дальнейшего сотрудничества, которое теснее сближает наши страны»³².

Как образно отметил К. Гества, «Гагарин придал коммунизму лучезарный облик»³³. «Улыбка Гагарина» стала узнаваемой во всём мире, добавив международному имиджу СССР новые черты — шарм и обаяние. Советская пропаганда

²⁹ Ein Friedenspräsident? // Der Spiegel. 1959. 19 August. S. 31.

³⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 27, л. 121.

³¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1988. С. 24.

³² Цит. по: Зубков С.А. Советская пропаганда на зарубежные страны... С. 266.

³³ Gestwa K. Kolumbus des Kosmos. Der Kult um Jurij Gagarin // Osteuropa. Т. 59. 2009. № 10. S. 121.

достаточно оперативно оценила потенциал феномена — начал складываться культ первого космонавта³⁴. Политико-идеологическая инструментализация космоса в форме культа сначала конкретно Гагарина, а впоследствии и советских космонавтов вообще, не являлась в полном смысле пропагандистской новацией. Она опиралась на предшествующую, сталинскую традицию создания персонифицированных символов советских достижений — галерею героев, в которой пальму первенства уверенно держали лётчики³⁵.

Вместе с тем новый культ космонавтов только отчасти представлял их как наследников и продолжателей дела «сталинских соколов»: они выступали не только как «герои космоса», но и как живые люди, открытые к общению и знакомые с повседневными проблемами сограждан. Корректировка образа героя может рассматриваться в контексте процесса десталинизации — попытки освобождения советского общества от груза тоталитаризма. Некоторые исследователи даже склонны считать начало космической эры символическим свидетельством окончания в СССР сталинского периода, а культ Гагарина — «важным шагом на пути к десталинизации»³⁶. Об этой символической связи гораздо раньше задумывались Вайль и Генис: «Выход в космос казался логическим завершением процесса освобождения и логическим началом периода свободы. Ощущение силы и беззаветной веры в неё сказывалось во всём: в стихах, сибирских стройках, первых хоккейных успехах»³⁷.

Открытие космоса сопровождалось движением к большей открытости советского общества, что также явилось частью стратегии по выстраиванию нового, более привлекательного имиджа страны. И если с космосом всё удалось, то путь к открытости общества оказался весьма неоднозначен, прерывист и так и не был пройден до конца. На этом пути можно отметить ряд знаковых событий: развитие зарубежного туризма, Всемирный фестиваль молодёжи (1957), приезд Дома мод Кристиана Диора, первый Московский международный кинофестиваль и американскую выставку в Сокольниках (все — 1959 г.).

На въездной иностранной туризм возлагалась особая функция: гости должны были стать свидетелями, а потом и трансляторами советских достижений. Сталин тоже использовал этот канал влияния на формирование мирового общественного мнения, в том числе лично принимая иностранных гостей. Но его визави выступали исключительно выдающиеся фигуры: кремлёвский властитель принимал «властителей дум» — Б. Шоу, Г. Уэллса, А. Барбюса, Р. Роллана, Л. Фейхтвангера. Иностранные гости, посещавшие Советский Союз в довоенные и первые послевоенные годы, проходили тщательный отбор с точки зрения лояльности и «полезности» для продвижения позитивного образа СССР. Часто техники гостеприимства срабатывали, и тогда круг «попутчиков» и даже «дру-

³⁴ О культе Юрия Гагарина и космонавтов в СССР подробнее см.: *Rockwell T.* The molding of the rising generation: Soviet propaganda and the hero-myth of Iurii Gagarin // *Past Imperfect*. 2006. Т. 12. Р. 1–34; *Gestwa K.* Kolumbus des Kosmos... S. 121–151; *Коновалова Л.В.* Стану Гагариним, когда подрасту! Культ космоса во властных практиках и восприятии детей в конце 1950-х — 1960-е годы // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 15. С. 80–87; *Попов А.Д.* Космический супергерой: возникновение культа Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // *Вестник Пермского университета. Сер. История*. 2021. № 3. С. 29–37.

³⁵ *Gestwa K.* Kolumbus des Kosmos... S. 149.

³⁶ *Rockwell T.* The molding of the rising generation... P. 33.

³⁷ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. С. 25.

зей СССР», делившихся восторженными впечатлениями о стране, множился³⁸. Но случались сбои, о чём свидетельствуют, например, откровения А. Жида после возвращения из поездки³⁹. Всего с 1929 по 1941 г. страна приняла немногим более 133 тыс. иностранных туристов⁴⁰. Эта цифра оказалась значительно скромнее планов созданного в 1929 г. Государственного акционерного общества «Интурист», рассчитывавшего принимать 150 тыс. человек ежегодно.

После войны ситуация не изменилась, и только с середины 1950-х гг. начался новый этап в истории советского туризма — как въездного, так и выездного. По мнению И.Б. Орлова и А.Д. Попова, период оттепели стал «прорывным»⁴¹. Советский Союз, хотя и с некоторым опозданием и с неизбежными ограничениями, включился в «туристическую революцию», пережив масштабные изменения в данной сфере⁴².

Решение об интенсификации иностранного туризма аппарат ЦК КПСС начал готовить весной 1954 г.⁴³ В одном из проектов постановления по этому вопросу (апрель 1955 г.) делался акцент на том, что туризм — важный инструмент «популяризации достижений СССР в области хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего упрочения международного авторитета СССР»⁴⁴. О выездном туризме первоначально речь вообще не шла. В январе и марте 1955 г. ЦК КПСС утвердил две инструкции о поведении советских граждан, выезжающих с деловыми целями в страны народной демократии и в капиталистические. В новом уставе «Интуриста» (август 1955 г.) хотя и говорилось о «развитии всех видов туризма как в Советский Союз, так и из Советского Союза»⁴⁵, но в приоритете по-прежнему оставался въездной.

В 1956 г. по линии «Интуриста» СССР посетили 29661 человек, в 1959 г. этот турпоток увеличился почти в три раза (88 102). Реальное число зарубежных гостей существенно превышало эти показатели, однако историки скептически оценивают данные открытой статистики, иногда отличающиеся от «интуристовских» на порядок: так, по 1956 г. приводится цифра в полмиллиона человек, а по 1964 г. — 1 млн⁴⁶.

Для улучшения восприятия страны в мире значимы не столько количественные характеристики, сколько качественные сдвиги в развитии контактов. «Железный занавес» стал проницаем: советские граждане открывали для себя мир и сами становились более открытыми миру. Тема преодоления «железного занавеса», неотделимого от образа «сталинского» СССР, звучала уже в откликах первых иностранных туристов, посетивших страну после 1953 г.

Зарубежные гости приезжали в Советский Союз главным образом в составе делегаций. 29 августа 1955 г. в Ленинград на теплоходе «Баторий» прибыла вну-

³⁸ О «техниках гостеприимства» 1920–1930-х гг. и их эффективности подробнее см.: Дэвид-Фокс М.Ш. Витрины великого эксперимента...

³⁹ Жид А. Возвращение из СССР и поправки к моему «Возвращению из СССР» // Звезда. 1989. № 8. С. 122–168.

⁴⁰ Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностраные туристы и призрак потёмкинских деревень. М., 2022. С. 146.

⁴¹ Там же. С. 153.

⁴² Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм. 1955–1991. М., 2016. С. 5.

⁴³ Там же. С. 40.

⁴⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 113, л. 32.

⁴⁵ Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо... С. 38, 40–41.

⁴⁶ Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». See USSR... С. 156.

шительная группа французских туристов (более 700 человек), которым оказали торжественный приём — с восторженной публикой, цветами и пением «Марсельезы». Несмотря на известную театральность и организованность встречи, французы отреагировали искренне и более чем доброжелательно: «приём восхитительный и восторженный»; «приём невообразимый»; «невозможно представить себе подобный приём, что-то фантастическое». В поле зрения КГБ попало более 400 писем пассажиров «Батория», которые они с борта теплохода по горячим следам отправили родным и друзьям. В сводке писем, оперативно подготовленной для секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, специально отмечалось, что «все письма содержат положительные высказывания о Советском Союзе и советских людях». Вероятно, туристы понимали, что их корреспонденция может контролироваться советскими спецслужбами, но тон и стилистика писем говорят скорее об их эмоциональности и откровенности: «Железный занавес? Миф!.. Удивлён и тронут приёмом и энтузиазмом»; «Мы совершаем самую прекрасную поездку за нашу жизнь... Вчера мы с такой лёгкостью пересекли железный занавес»; «Самое удивительное — мы свободно ходим по улицам». И как итог: «Наши представления поколеблены»⁴⁷.

Организация группового туризма проходила не без проблем. Если визит французов в 1955 г. можно расценить как вполне удачную PR-акцию, то состоявшаяся несколько раньше, в октябре 1954 г., поездка финских журналистов, по мнению сотрудника ТАСС, изучившего отклики на неё в финских СМИ, «принесла не столько пользы, сколько вреда». Как и большинство других иностранцев, гости по достоинству оценили архитектурные памятники Москвы и Ленинграда, балет Большого театра и московское метро. Но написали они и о другом: «Магазинов в городе мало... в них большие очереди и толкотня, ассортимент товаров маленький и качество их низкое»; москвичи «выглядят мрачными, сердитой и замкнутой массой», «цвета одежды господствуют чёрные или тёмно-синие»; «советский человек привык жить плохо»⁴⁸.

Контрасты между культурой «высших достижений» и повседневной жизнью обычных граждан, заметные даже в Москве и других крупных центрах притяжения иностранных гостей, оказывались тем более очевидны на периферии — особенно там, где ещё оставались следы минувшей войны. В их числе Новгород, стремительно набиравший популярность у туристов на волне растущего интереса к «русской старине». Сильно разрушенный в годы войны город официально открыли для иностранцев в 1956 г. К этому времени прошли или завершались ремонтно-реставрационные работы на территории Детинца, Ярославова дворища, в некоторых храмах. В 1957 г., согласно данным «Интуриста», Новгород принял лишь около 400 иностранцев, но уже спустя несколько лет его посещали от 2,5 тыс. до 6 тыс. туристов в год⁴⁹.

Власти и инфраструктура города оказались не готовы к приёму иностранцев: уровень сервиса и состояние многих памятников культуры не соответствовали задаче «популяризации достижений СССР». Дороги оставляли желать

⁴⁷ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 118, л. 78–81.

⁴⁸ *Иванова Г.М.* Качество жизни советского человека в середине 1950-х гг. глазами финских журналистов // Петербургский исторический журнал. 2022. № 4. С. 64, 66–67.

⁴⁹ *Чистиков А.Н.* Иностранцы туристы в Новгороде и зарубежные поездки новгородцев в 1950–1960-х годах // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции. Новгород, 21–23 сентября 2008 г. Ч. 2. Великий Новгород, 2008. С. 67–68.

лучшего, не хватало гостиниц, исторические памятники занимали различные учреждения или их использовали под жильё. Даже на территории Детинца и Ярославова дворища продолжали жить люди, здесь же они держали скот и домашнюю птицу. Зарубежные гости стремились посетить Юрьев монастырь в окрестностях Новгорода, но их туда не пускали, поскольку памятник находился в полуразрушенном состоянии. Во избежание негативного резонанса списки мест и объектов, разрешённых к посещению, в обязательном порядке утверждались обкомом партии⁵⁰.

В программе формирования позитивного международного имиджа СССР реалии повседневной жизни стали и долгое время оставались самым уязвимым звеном. Вместе с тем именно эта сфера советской действительности неизменно привлекала к себе живой интерес иностранцев. Ответом на этот запрос стало изменение содержания советских иноязычных изданий, рассчитанных на массовую зарубежную аудиторию: «Советский Союз», «Советская женщина», «Спорт в СССР». Сохраняя идеологическую направленность, они в то же время начали больше информировать читателей о культуре, образовании, науке, спорте, путешествиях, быте советских людей. Самый яркий и показательный пример из этого ряда — англоязычный иллюстрированный журнал «USSR», основанный в 1956 г. по соглашению между правительствами СССР и США. Он отличался от своих аналогов: не имел русскоязычной версии, будучи адресован американской публике как целевой аудитории, и старался держаться на уровне мировых полиграфических стандартов, поэтому печатался в Финляндии. С 1965 г. он стал называться «Soviet life», что больше соответствовало вкусам и ожиданиям американских читателей. Самым успешным проектом в этой сфере⁵¹ являлся журнал «Спутник», выпускавшийся с 1967 г. Агентством печати «Новости». Он представлял собой ежемесячный дайджест материалов советской прессы на нескольких иностранных языках, освещавший различные аспекты советской жизни. Его появление на излёте оттепели по-своему символично: примерив на себя один из самых популярных образов времени, он же продемонстрировал пределы допущенных перемен.

С точки зрения соотношения имиджевых приобретений и потерь фактор открытости (точнее, полуоткрытости) советского общества нёс в себе очевидные риски, связанные в первую очередь с возможностью сравнивать и выбирать. Любой позитивный имидж строится на демонстрации достижений. Как выяснилось, западный мир и Советский Союз имели разные представления об их иерархии. Это, например, продемонстрировали две выставки 1959 г. — советской в Нью-Йорке и американской в Москве. Они прошли с разницей в две недели по времени и с разрывом в десятилетия по концепциям, что отразили даже их названия: «Выставка достижений советской науки, техники и культуры» и «Американская национальная выставка». СССР привёз на выставку спутник, модель атомного ледокола, новый самолёт, автомобили, станки. Наряду с этими «экспонатами» выставили макеты двухкомнатной квартиры и кухни, демонстрировались образцы модной одежды. Но всё, что касалось повседневно-

⁵⁰ Там же. С. 68–69.

⁵¹ По свидетельству В.В. Познера, «понадобилось только два года, чтобы “Спутник” стал первым (и последним) советским журналом, права на публикацию которого приобрели крупнейшие издатели Великобритании, ФРГ, Франции, Испании и Японии. К концу 1969 года совокупный тираж журнала в капиталистических странах перевалил за миллион — это был неслыханный прорыв!» (Познер В. Прощание с иллюзиями. М., 2013. С. 286).

ной жизни, по большей части относилось к проектам будущего. Американцы же показали, как живут граждане США здесь и сейчас — какую получают зарплату, что на неё могут купить, во что одеваются.

Миф о преимуществах социализма — одна из составляющих советского имиджа — тогда «затрещал по швам». Один из посетителей выставки в Сокольниках вспоминал: «Меня необыкновенно поразил высокий уровень зарплат американских рабочих и дешевизна продовольственных товаров. Запомнилось: одной недели работы среднего американского рабочего достаточно для того, чтобы прокормить семью из четырёх человек. В сравнении с нашей скудной жизнью американский уровень благосостояния представлялся каким-то сказочным изобилием»⁵².

В течение 1956–1960 гг. образ Советского Союза в восприятии западной аудитории претерпел существенную позитивную трансформацию — от опасений до живого любопытства и готовности к налаживанию диалога со всё ещё непонятным, но уже не таким опасным «соседом». О необходимости выстраивания отношений по «соседскому принципу» говорил и сам Хрущёв. Во время визита в Великобританию (1956) он произнёс фразу, которая широко цитировалась на страницах зарубежной прессы: «Надо жить с тем соседом, которого вам послал Бог, а не с тем, которого вы хотели бы иметь»⁵³. Это был пик развития международного имиджа страны, сопровождавшийся интенсификацией дипломатических контактов и культурных обменов, расширением информационного поля и пространства узнавания друг друга.

Изменение отношения западной публики к СССР началось одновременно с изменением её отношения к Хрущёву как «миротворцу». Произошло это после его резких заявлений, связанных со «шпионским скандалом» в мае 1960 г., за которым последовал срыв Парижской встречи в верхах. Западные СМИ обвинили в нём именно советского лидера. «Встреча на высшем уровне и мечта о мирном сосуществовании разбились о скалу упорной воинственности Никиты Хрущёва», — констатировал журнал «Time»⁵⁴. Возродилась тема страха перед «русской угрозой»: «Господин Хрущёв не должен иметь иллюзий. Со времени Гитлера и Сталина никто не пытался запугивать нас так, как он»⁵⁵.

После скандала с самолётом-разведчиком последовали другие события, поколебавшие уверенность западной аудитории в миролюбивых намерениях советского руководства: не вполне адекватное поведение Хрущёва в ООН, ядерные испытания 1961 г., Берлинская стена и, наконец, Карибский кризис 1962 г. Неосторожные выражения советского лидера («мы вас закопаем» или «мы вам покажем кузькину мать») тоже стоили имиджевых потерь. В течение 1960–1962 гг. произошла трансформация его образа: из человека, способного принести мир, он превратился в угрозу и потерял право на «мантию мира»⁵⁶. Одновременно со своим лидером утратил значительную часть положительных черт и образ Советского Союза, даже несмотря на «феномен Гагарина» и продолжение «культурной дипломатии». Это даёт основание рассматривать в це-

⁵² Цит. по: *Фоминых А.Е.* Книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года // Запад–Восток. Научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 111–112.

⁵³ Courtiers B. & K. // Time. 1956. 30 April.

⁵⁴ Confrontation in Paris // Time. 1960. 23 Mai.

⁵⁵ Цит. по: РГАНИ, ф. 5, оп. 33, д. 152, л. 31.

⁵⁶ *Zubkova E., Zubkov S.* Das große PR-Projekt... S. 215.

лом период 1960–1962 гг. как условно конфронтационный в развитии международного имиджа СССР.

Восприятие «другого» — процесс взаимозависимый, поэтому столь же очевидной девальвации подвергся и имидж Запада в представлениях советских граждан. Майский инцидент 1960 г., как и более значимые конфликты начала 1960-х гг., реакция на них вовлечённых сторон наглядно продемонстрировали устойчивость практик «сдерживания» и атмосферы взаимного недоверия. В ситуации холодной войны — «организованного безмирия»⁵⁷ — баланс между противостоянием и сближением означал условность достигнутых компромиссов и хрупкость взаимных симпатий.

Благосклонность западных журналистов вернулась к Хрущёву после преодоления Карибского кризиса и особенно после подписания договора о запрещении ядерных испытаний в августе 1963 г., но он так и не смог снова достичь пика своей популярности на мировой арене. Подобный реверсивный период (1963–1968) переживал и имидж СССР. После смены власти в Кремле «мантию мира» не раз пытался примерить — более или менее удачно — Л.И. Брежнев. Однако по-настоящему и кардинально изменить восприятие Советского Союза удалось только Горбачёву. Перестройка стала и продолжением, и логическим завершением формирования «не-сталинского» СССР.

⁵⁷ *Senghaas D. Abschreckung und Frieden. Studien zur Kritik organisierter Friedlosigkeit. Frankfurt a/M, 1981.*